

Юрий Клепиков

**Дети войны. Записки
бывшего мальчика**

«АСТ»

2015

Клепиков Ю.

Дети войны. Записки бывшего мальчика / Ю. Клепиков — «АСТ»,
2015

ISBN 978-5-457-76224-4

«Комод между двух окошек. Ни одного из этих четырех слов мальчик еще не знает. На комод — кружевное, свисает. Ухватившись за ручку на вишневом, мальчик встает. Хочет дотянуться до кружевного. Он уже способен на замысел, у него есть воображение. Его привлекают предметы, стоящие на комод. Он видел их, когда его брали на руки. Всякий раз это было слишком коротко, и он не успевал ничего рассмотреть и запомнить. Ему хотелось завладеть живущими наверху предметами. Мальчик догадывается, как это сделать. Надо потянуть кружевное, и все поедет к нему само. На основе какого опыта он додумался до такой сложной затеи? Скорее всего, мальчик уже не раз что-то подтягивал к себе. Например, печенье, крошенное для него на простыне. Тогда он видел происходящее, а сейчас вообразил возможное...»

ISBN 978-5-457-76224-4

© Клепиков Ю., 2015

© АСТ, 2015

Юрий Николаевич Клепиков

Дети войны. Записки бывшего мальчика

© Ю. Клепиков, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

*Ничего на свете нет, Что мне стало бы родней, Чем летучий
детский бред Нищей памяти моей.*
Арсений Тарковский

Во мне ведь есть особенное нечто. Я – очевидец.
Евг. Рейн

Комод между двух окошек. Ни одного из этих четырех слов мальчик еще не знает. На комод – кружевное, свисает. Ухватившись за ручку на вишневом, мальчик встает. Хочет дотянуться до кружевного. Он уже способен на замысел, у него есть воображение. Его привлекают предметы, стоящие на комод. Он видел их, когда его брали на руки. Всякий раз это было слишком коротко, и он не успевал ничего рассмотреть и запомнить. Ему хотелось завладеть живущими наверху предметами. Мальчик догадывается, как это сделать. Надо потянуть кружевное, и все поедет к нему само. На основе какого опыта он додумался до такой сложной затеи? Скорее всего, мальчик уже не раз что-то подтягивал к себе. Например, печенье, крошенное для него на простыне. Тогда он видел происходящее, а сейчас вообразил возможное. А то, что в комнате никого нет и он действует без свидетелей, – это случайность? Или учитывается его замысел? Мальчик сумел завернуть за угол комода. Здесь кружевное свисает ниже. Дотягивается, хватается, тащит на себя. Сейчас в его жизни случится важное событие. Он начнет помнить себя. До этого он просто существовал: сосал молоко, орал, пачкал пеленки. Не ожидая подвоха, он готовит свое происшествие. Приближается к ошибке. Она и включит его в окружающий мир как отдельное лицо. Кружевное медленно сползает. Наверху что-то опрокидывается, звякает. Мальчик замирает: нет ли опасности? Появляется знакомый запах, будто в комнату вошла мама. Он продолжает тащить. Вдруг сильный удар по лицу. Что-то едкое обжигает глаза. Он слепнет. Орет от боли и страха. Я начинаюсь.

Что же включило мою память? Ведь только с нею возникаю я сам. Флакон с духами. Мои попытки проникнуть в «раньше» упираются в одно и то же: кружевное свисает на вишневом. Вспышка памяти зависит от энергии переживания. Я начинаюсь с боли. Ревущего меня умывают, успокаивают, куда-то везут, что-то со мной делают, и я навсегда запоминаю здание из красного кирпича, где меня выручили, спасли от беды. Флакон, сбивший меня с ног, конечно, яркий случай. Но, возможно, я начинаюсь и раньше. Например, это белое на полу? И крошки печенья, рассыпанные вокруг? И солнечные лучи, согревающие меня, голого? Слюнявлю палец, цепляю крошку и отправляю в рот. Питаюсь. Так меня учили. Довольно сложный процесс, требующий извилины. Флакон или печенье? Если второе, значит, я начинаюсь с чувства голода. Или удовольствия.

У моей матери была красивая фамилия – Разливина. Мои дед и бабушка по матери родили семь детей. Все девочки. Все вышли замуж. Стали Савинкова, Байратова, Никифорова. Других теток не помню. Когда умерла моя мать, красивая фамилия исчезла. Будто упало дерево. Впрочем, я хотел сказать только о том, что однажды встретились двое. Барышню звали Ася,

молодого человека Коля. Он был красив, изящен, писал стихи. Барышне они нравились. В итоге появился я. Им еще найдется место в этих записках.

Младенческая память вспыхивает и озаряет короткие отрезки жизни. Оберегаемый от внешних воздействий младенец ничего не помнит. Но нельзя уберечь от всего. Например, от непредвиденного. Я никогда бы не вспомнил или, вернее сказать, никогда бы не знал, что мы с матерью переехали на другую улицу, в другой дом, если бы в этом доме не было свирепой собаки.

Дом этот в городе, но улица совершенно деревенская – с травой, курами, лошадиным пометом. Мать с отцом уже разошлись. Да, она недолго увлекалась стихами Коли. Так недолго, что я совсем не помню отца молодым, красивым и изящным. Во дворе дома бегают на цепи громадная овчарка. Все ее боятся.

По ночам, слыша ее утробный лай, я сжимаюсь от страха. Когда приходят гости, они проникают к нам через окно. Это представляет некоторую трудность, вызывает смех, веселье. В конце концов, матери как-то удалось поладить с собакой. Я по-прежнему боялся выйти на крыльцо, спуститься во двор, дойти до ворот. Когда нам надо было уйти вдвоем, мать проходила двором, снимала меня с подоконника, и мы куда-нибудь шли. Однажды окна оказались закрытыми и замазанными. Наступили холода. Тепло одетый, заплаканный, спускаюсь с матерью по ступенькам крыльца. Вдруг слышу какой-то лязг. Жмусь к матери. Она крепко держит меня за руку, торопится к воротам. Раздается какой-то свистящий звук. Оборачиваюсь. Собачья цепь на кольце, продетом в подвешенную проволоку, летит, как дуга трамвая. Алая пасть, белые клыки. Визжу как поросенок. Мать кричит. Меня вырвали у овчарки где-то возле ее будки. Снова здание из красного кирпича. Сорок укулов. Я был заплаканный, больной герой. На меня показывали пальцем – сколько терпения, выдержки, пример для всех.

Короткая вспышка памяти настигает меня в Москве. Впервые меня привезли туда еще до войны. Может быть, мы были там проездом? Ту Москву я помню не как город, а как станцию метро. Я испугался движущейся лестницы.

Стоя на эскалаторе, я ждал какой-нибудь пакости. И все-таки лестница застала меня врасплох. Внезапно она исчезла, и я упал. Мне были обещаны конфеты, если я перестану плакать. Магазин был тут же, в метро. Продавщица привстала повыше, чтобы достать какую-то коробку. И вдруг масса коробок шумно полетела на пол. Вокруг почему-то засмеялись. Мне запомнилось так, будто коробки упали не по неосторожности и неловкости, а от избытка. Этот эпизод я часто вспоминал и позже, во время войны. Мне казалось: там, в Москве, на этой станции метро, по-прежнему много коробок с конфетами и других сладостей и если бы вдруг оказаться там, то как это было бы замечательно.

Как я оказался на Черном море, в Абхазии, совершенно не помню. Только в детстве можно перемещаться с места на место таким волшебным образом. Я в Гаграх. Мне пять лет. И отсюда, пожалуй, начинается моя история как последовательная череда событий. Память по-прежнему работает от энергии впечатлений, являя только чувственные образы, но эти образы гораздо многочисленней, они распределены во времени, и, конечно, моя память подключена к памяти матери, к тому, что я слышу от других.

Мы живем в большой светлой комнате. Дом стоит в парке. Или в саду.

И дом, и парк принадлежат большой старой женщине. Седая голова, вся в черном, курит. Она княгиня. Все обитатели дома, большие и маленькие, зовут княгиню дэдой. По-грузински – мамой. С утра слышен стук топора. У дэды есть слуга. Он колет дрова, стирает, готовит пищу. Дэда говорит ему что-то на непонятном языке. Слуга кланяется и отправляется в дом. Он выносит ковры, много ковров. Развешивает их на веревках, выколачивает пыль. Удивительно, он целый день занят работой и как будто не знает усталости. А ведь он старый. Говорят, ему больше ста лет. В это трудно поверить, потому что старичок похож на мальчика – маленький, свежий, рыжий, с голубыми глазами. По ночам он валялся пьяный

в саду. Казалось, его не пускают в дом, ему негде ночевать. Дэда тяжело расхаживала по веранде второго этажа, мимо нашей распахнутой двери, укоризненно что-то выговаривала, невидимая в черном, и только неистовство и метание ярких светляков и красная точка папиросы указывали, что вот опять она прошла мимо двери. Южные ночи чернее сажи.

Мать водит меня в детский сад. На площадке детского сада не говорят, а кричат. Рядом, внизу бежит с гор гремучая, стремительная река. Часто слышны взрывы. В горах бьют туннель. Прокладывают железнодорожную линию.

На строительстве работает моя мать. Я с опаской смотрю на черный зев туннеля, полагая, что именно там она и трудится. Я еще не знаю, что мать сидит за столом, щелкает на счетах или крутит ручку арифмометра.

В доме дэды кроме меня много других детей. Я самый младший. Со мной можно играть, как с куклой. Например, посадить в железное корыто и отнести в море. Однажды меня забывают в корыте, и волна относит меня от берега. Совсем недалеко, но я пугаюсь, зову на помощь.

Надо мной смеются и показывают – надо грести руками. Я гребу. И обнаруживаю, что корыто послушное, верткое судно. На пляже много народу. Может, потому мне так казалось, что я бывал там только в воскресные дни. Я и сейчас легко вызываю в памяти картину, запомнившуюся мне выражением силы, мощи и веселой праздничности: через пляж бегут загорелые мужчины и женщины, они хохочут, держа на вытянутых руках громадную оконную раму, вбегают в воду и бросают ее, вызывая взрыв брызг. На этой раме они уплывают далеко в море.

Однажды я оказываюсь в лодке и смотрю на пляж с большого расстояния.

Я вижу маленькие фигурки людей. Вдруг все куда-то побежали. Пляж почти опустел. На берегу что-то случилось. Сидящие в лодке еще не знали, что началась война.

Спустя много лет я снова оказался в тех местах, в Пицунде. Сажусь в автобус. И через двадцать минут я в Гаграх. Ищу дом дэды и не нахожу его. Даже приблизительно не могу угадать, где он может быть. Зато в центре вижу ту же гремучую реку, пасть туннеля в горе, электричку, выбегающую из нее, и какие-то строения, о которых память подсказывает: всё те же.

Первые дни войны запомнились горестным событием, пришедшим в дом дэды. На дороге был сбит грузовиком старый слуга. О старике говорили: умирает. Теперь дэда сама колола дрова и выбивала ковры. Я никак не мог представить старика умирающим, потому что видел, как он тащился в уборную. А однажды он запел. Старик пел, а дэда горько плакала. В доме разговаривали шепотом. Впрочем, дом опустел. Двери были распахнуты. В комнатах летали воробьи.

И пляж опустел. Купальщиков было мало. Проводились военные занятия. Какие-то люди стояли в ряд. По команде кто-нибудь выходил и кидал учебную гранату. Повыше, у дороги, рыли глубокие щели. Я уже видел похожую щель, когда хоронили дэдиного слугу. Однажды море выбросило на берег какие-то обломки. Говорили, от подводной лодки. Нашей? Немецкой? Никто не знал. Война приблизилась, не нарушив тишины. Какой-то еврей предлагал матери купить его дачу. Мать некоторое время колебалась. Очень хотелось стать хозяйкой небольшой виллы. Общее бегство преодолело соблазн.

Мы тронулись в путь на Ростов. Мать говорила, что это была страшная поездка. Нас бомбили. Были убитые и раненые. Мы потеряли весь свой багаж, кроме швейной машинки. Странно, я не помню всех этих ужасов. В памяти не осталось ничего, кроме какого-то давящего, угрожающего звука.

Не пробившись в Ростов, мы вернулись в Гагры. Дэда жила одна в огромном доме. Мать хотела остаться здесь. Враг был за горами, за морем. Казалось, далеко. Хозяин отдавал свою дачу уже за ничтожные деньги. Мать размышляла. Пока она была занята делами, я один

бродил поблизости от дома, обедался мандаринами, рвал лавровые листья и складывал их в наволочку.

Мать осталась бы в Гаграх. Но здесь не было работы. Отчаявшийся еврей предложил новую сделку. Мать выходит за него замуж, он в последний момент драпает от немцев, мать остается хозяйкой, сторожит виллу и ждет его возвращения. Старый хитрец, женатый и семейный, словно вспугнул молодую женщину. Мать приняла решение в одну минуту. Она купила килограмм порошка какао, и мы быстро пошли домой. Здесь мы взяли нашу швейную машинку, положили какао в наволочку с лавровыми листьями и поспешили на дорогу. Сели в автобус. Решительно не помню, как мы оказались в Баку.

Через Каспийское море шли на грязном, заблеванном, переполненном судне. Очередь в галюн. Много детей, плач. Запах блевотины, детских поносов. Недружелюбная, злая команда. Война впервые осознается мною как бедствие. Через палубу – что это было? – по железному желобу время от времени пролязгивала жирная, мокрая цепь. Мы ютились здесь же, на палубе, кутаясь в одеяло, купленное в Баку. От качки, а может, и усилиями других беженцев нас сдвигало все ближе и ближе к цепи.

Всякий раз она оживала внезапно и так же неожиданно останавливалась. Я чувствовал на лице жирные брызги. По ночам казалось, что мы в окружении и скоро попадем в плен.

Через ночь или две вдали показались сиреневые горы. В Красноводске, несмотря на осень, было жарко. Воду, обыкновенную, а не газированную, продавали за деньги. Здесь нам пришлось туго, как и всем беженцам. Мы живем в толпе, на улице, роем. Я все время сижу на швейной машинке. Обозначаю хозяина, пока мать отсутствует. Жара. Арбузные корки в пыли. Крики торговцев лепешками. Мохнатые, страшные верблюды высокомерно задирают шеи, словно вопрошая: кто эти чужие люди? Вдруг начинается страшный гвалт. Рой приходит в движение. Пересчитывают детей. «И мальчик на швейной машинке» – пересчитывают меня. Рой перемещается на вокзал, потом снова в порт. Взрослые искали способ вырваться из этой ловушки.

Память, связанная с детством, работает так, будто я переносусь из одного места в другое на каком-то нежном облаке, в забытии, отрешенно. На таком вот облаке я перелетаю через пустыню и оказываюсь в Ташкенте. Здесь мы живем довольно долго, прерывая свой бег месяца на три. У нас не осталось денег, и мать устраивается на работу.

Мы снимаем комнату где-то на окраине города. Запомнилась фамилия хозяина – Попик. На моих глазах этот Попик зарезал огромную свинью. Я прозевал приготовления к событию и вышел во двор как раз в тот момент, когда он взмахнул ножом. Свинья пронзительно завизжала. Повалилась на бок. И все было кончено. Я заболел от потрясения. Лежал под одеялом и трясся в ознобе. Казалось, я живу рядом с убийцей. Вечером меня угостили жирным сухарем, похожим на хворост, только не сладкий, а соленый. Убийца Попик оказался еще и предателем. Вкусный сухарь был жареным ухом свиньи.

Потом мы долго живем на ташкентском вокзале. Я часто остаюсь один и боюсь, что мать меня потеряет. Однажды снимаю новое зимнее пальто, в котором мне жарко, забрасываю его на подоконник и отправляюсь искать мать среди толп народа. Не найдя мать и вернувшись, обнаруживаю, что мое пальто украли. Мать была вне себя. Кинулась туда, сюда. Затем закричала на весь вокзал примерно так: верните пальто, мы едем на Урал, мальчик погибнет! Никто не отозвался на ее вопль.

Поезд подали к перрону ночью. Толпа поднялась с чемоданов и узлов. Я испугался лица матери. Она мрачно стиснула зубами наши билеты, подхватила швейную машинку и чемодан и, как бы забыв обо мне, ринулась в толпу. Здесь я снова погружаюсь в нежное облако беспомощности. Много лет спустя я спрашивал у матери, зачем нам понадобилось уехать из теплого Ташкента. Она сказала: захотелось на родину, к своим.

Сохранилось несколько фотографий, сделанных до войны, в Абхазии.

На одной я стою возле огромной мохнатой пальмы. В моей руке игрушечный пистолет. На другой – я среди детей детского сада. Надутый, чем-то обиженный. Прошел только год, а фотографии были далеким прошлым. Я часто вспоминал наш дом в парке, старую дэду, ее слугу. Мне хотелось вернуться туда. Должно быть, потому, что там всегда было тепло, просторно и я был сыт. И я спрашивал: а когда мы поедем домой? А когда кончится война?

Челябинск нас встретил злой зимой. Вот я сижу у горячей печи, в жарко натопленном доме. Это чужой дом, где мы по делу. Я знаю: сейчас меня позовут и надо будет уходить. И меня зовут. А я хочу, чтобы меня чем-нибудь угостили, ведь я в гостях. На крыльце звонко хрустит снег. Снег такой пронзительно белый, что больно глазам. Вот и причина для каприза.

Но еще обидней, что не угостили. Я видел на столе полную миску таких зеленоватых, в пупырышках, наверное, немного колючих огурцов. Там и маленькие были, совсем крохотные.

Мать и тетка, молодые, покрасневшиеся, толкают колесную тележку. К тележке привязан шкаф. Это наше имущество. Надо пройти полгорода, чтобы доставить шкаф туда, где мы обитаем. Очень мерзнут руки. Жалуюсь. Сначала меня утешают. Потом, без перехода, начинают ругать. Я впервые узнаю, что я сволочь, что я всю кровь выпил, что лучше бы я сдох. Слезы застывают на моих щеках. От мороза твердеют губы, и мне хочется разгрызть их как орех.

Живем в ветхом домишке неподалеку от рынка. Какой-то проходной двор, а не дом. Чужие люди, ощущение опасности от проходящих к хозяевам гостей, похожих на ворье. Часто приходят и ночью, что-то оставляют. Через много лет, проходя площадью Революции, я догадываюсь: где-то здесь был тот домишко, похожий на станционное строение, от которого сбежали рельсы, без двора, без огорода, без единого деревца, зато с угольной пылью, наледями грязной помойки. Теперь здесь сквер. Это центр города.

Жить в проходном дворе невозможно. Мы снова переезжаем. И я оказываюсь наедине с хмурой, неприветливой старухой – Скоробогатихой. У нее никогда никого не бывает. Тихо. Нет радио, нет света. Лунный свет искрится в заледеневшем окошке. Мышь скребется в своей темнице, вроде бы перекачивает бесконечный сухарик. Я сижу на холодной кровати. Прислушиваюсь. Жду, когда заскрипит снег за окошком. Старуха молится в темноте. Потом забирается на печь. Мне не верится, что сейчас она захрапит. А как же я? Ведь я маленький, меня надо пожалеть, утешить. Я одинок. Ни одного сверстника, приятеля. Оцепенело сижу в темноте, удерживая себя от желания встать, пройти на старухину половину и там тайком, бесшумно приподнять крышку сковородки и доесть старухину картошку, жаренную на постном масле. Мне уже случалось отщипывать и откусывать от скудного добра хозяйки. Мне известна разница между своим и чужим. Но если действовать хитро, то все обойдется. Незаметно для себя засыпаю. Пробуждаюсь, как только с улицы доносится острый скрип снега. Мать садится рядом, холодная, пахнущая снегом. Дает мне кусок хлеба. И ложится рядом. Ночью я просыпаюсь. Вижу близко от себя огненную точку. Разгораясь, она освещает хмурый профиль матери. Она начала курить.

Наступил Новый год. Он запомнился мне неслыханным лакомством. Едва проснувшись, я уловил знакомый тонкий аромат. Пахло шоколадом.

Я стал искать его и нигде не находил. Я даже подумал, что его съели без меня. Но тут с мороза зашла мать и поставила передо мной сковородку с чем-то холодным, коричневым. Это и был шоколад, изготовленный из порошка какао. Мать стала резать его ножом, он потрескался, отчего еще больше стал похож на шоколад.

В те же дни, гуляя на улице, я увидел в одном из соседних домов нарядную, сверкающую игрушками елку. Музыка и смех доносились из дома. Не знаю, как получилось, – меня позвали. Там были нарядные, красивые дети. И все там было красиво, чисто, богато. Я прижался к высокой и горячей кафельной печи. Очень полный человек в военной форме,

в чистых белых валенках играл на скрипке, а красивая седая тетя играла на пианино. Она оборачивалась, ласково улыбалась детям, танцующим вокруг елки, но совсем не замечала меня. Я чувствовал, что всем здесь чужой, ни с кем не знаком и что мне, наверное, пора уходить. Но здесь было так тепло, просторно и красиво, так вкусно пахло елкой и чем-то сладким, печеным, и мне так верилось, что меня заметят, возьмут за руку, вовлекут в свой хоровод, спросят, чей я, как меня зовут, и будут со мной дружить и сегодня, и всегда, ведь мы соседи – нет, буду стоять, подожду, я недавно пришел. Полный человек со скрипкой приблизился ко мне и, дружелюбно глядя в глаза и наклонившись, проиграл что-то быстрое, вопросительное, обращенное ко мне одному. Я засмеялся и заплакал одновременно. У меня потекли сопли. Скрипач отвернулся. Я выбежал вон.

И еще долго дом этот светил мне своей нарядной елкой, яркими игрушками, своей праздничностью и помнился как сказка, неожиданно обидевшая меня. У меня не было ни елки, ни игрушек, ни карандашей, ни бумаги. Я не умел читать, складывать числа. Узнавать время по часам. Я еще не ходил в школу. Мне было семь лет.

Матери удалось устроить меня в детский сад. Там кормят, там тепло. Но самое большое мое восхищение вызывают чудесные белые унитазы в уборной. Если потянуть за веревочку, сверху по трубе с ревом обрушивается вода. Неужели я до той поры не видел унитаза? Ничего странного. Ведь даже у дэды его не было, у княгини. Мы всегда жили в частных домах, где уборная во дворе. Я с радостью ходил в детский сад. Явившись, сразу отправлялся в уборную и дергал за веревочки, спуская воду во всех унитазах. Меня не останавливало, если на них кто-нибудь сидел.

На ночь детей из сада забирали. Мне нередко приходилось уходить последним. Сидим с нянечкой в зале. Она вяжет чулок. Вдруг гаснет свет. И сразу раздается какой-то таинственный шорох, кто-то быстро шныряет. Мыши. Подтягиваю колени к подбородку. Лампочка тускло оживает, вот-вот умрет. Нянечка хлопает в ладоши. Мыши бросаются кто куда. Но сколько их! Они прячутся в складках ковровой дорожки, взбираются на портьеры, бегают по окнам, оглядываются, перестают бояться, подбегают ближе, встают на задние лапки, убегают в темноту, возвращаются. Становится неинтересно.

Детство – это вечное ожидание. Когда за тобой придут, когда тебя накормят, когда тебя вымоют, когда разрешат, отпустят, позволят, когда о тебе вспомнят, обратят внимание, дадут сказать, когда тебя перестанут ругать, простят, когда тебе купят, подарят. И поэтому не правильно ли предположить, что детство кончается тогда, когда ты перестаешь ждать.

Однажды, оказавшись на родине, я попробовал найти этот дом, полный мышей, эту юдоль ожидания. Его местоположение я помнил только приблизительно. Если бы не осень, я не узнал бы эту аллею, заваленную палым листом. Я бы не вспомнил, что в этом тихом переулке мать подбирала подсохшие листья и, смешивая их с чинариками, толкла себе табак. Еще несколько шагов. Теперь направо. Ба! А во дворе детишки. Все на месте. Едва ли кто-нибудь из них так восхищен унитазом, чтобы бегать в уборную и дергать за веревочку. Узнаю клочок земли, где весной мы грелись на солнце, а ближе к лету искали зеленые маслянистые калачики и жадно ели их, а съев, переходили на другую траву.

В школу я пошел восьми лет. Мать хотела, чтобы я подольше задержался в детском саду – там кормят, там присматривают. Как это ей удалось? Не знаю. Впрочем, явившись в первый класс, я совсем не выглядел богатырем, переростком. Куда там! Такой же заморыш, как и все остальные. Не удивлюсь, если кто-то был и старше меня.

Но школа-то моя оказалась бывшей детской поликлиникой! Той самой, куда меня принесли с глазами, залитыми духами. А сорок уколов? Я сразу узнал вычурную постройку из красного кирпича. В школу я пришел, как домой. Разве это не добрый знак? Я ошибался. Ни первая, ни множество других школ, в которых я перебивал, не оставили теплого чувства.

Мне трудно давались грамота и счет. Что и было замечено учительницей, ветхой старушкой со слабым, дребезжащим голосом. Я едва слышал ее, сидя в конце огромного класса. Кажется, старушка вызвала меня? Догадываюсь, что так и есть, потому что сидящие впереди оглядываются на меня. Встаю. Мне велено выйти в зал и узнать, который час. Отправляюсь. С ненавистью смотрю на циферблат. Как же определить время? Возвращаюсь и сообщаю: большая стрелка около двенадцати, маленькая почти у восьми. «Так сколько же времени», – спрашивает старушка. Молчу. Позже буду так же молчать в связи с таблицей умножения, химическими формулами, уравнениями, датами. Какую же комбинацию времени показывают эти дурацкие стрелки? Учительница спрашивает у класса. Поднимается несколько рук. Ага, не один я такой тупой.

Другое испытание. Учительница приближается. Ко мне, что ли? Мало тут других, да? Старушка кутается в старенькую шаль. От нее пахнет мышами. «Пожалуйста, – говорит, – покажи мне семь палочек». Показываю, отбирая несколько палочек из целой кучи. «Какие у тебя страшные палочки, – говорит, наклоняясь ближе, отчего сильнее пахнет мышами. – Нет, это не семь палочек, а больше».

Откладываю одну в общую кучу. Похоже, угадал. Запах мышей удаляется.

На перемене – возможно, был праздничный день, не помню – ученики подносят учительнице домашнее угощение. Бутерброды с маслом, колбасой, огурцом. У меня просто кусочек хлеба. Старушка растроганно кивает, закрывает глаза рукой. Она похожа на нищенку.

Когда же у нас появилось свое жилье? Кажется, еще до того, как я пошел в школу. Зима 1943 года. На дворе стужа. Отопление не работает. Нет воды, бездействует канализация. Часто и надолго отключают электричество. Мы занимаем две смежные комнаты. Спим с матерью в одной кровати. Не раздеваясь. Однажды все население квартиры переезжает на кухню. Здесь есть плита. Работающие имеют право на уголь. Но достать и привезти его сложно.

Кто же наши соседи? Старуха с дочерью Аней. Аня – молодая привлекательная женщина, мгновенно переходящая от доброго расположения к злой сварливости. Она работает на патронном заводе. У нее страшно изуродованы ногти. Такая работа. В другой комнате обитает большая семья Подчиненовых.

У них все взрослые и работающие, кроме старушки матери. Она читает книжки. Никогда ни за каким другим занятием я ее не видел. Еще она любит поговорить о книжках. Но собеседников у нее нет. Никто этих книжек не читал.

Мужчин в квартире нет. И с фронта никого не ждут. Юра Подчиненов еще подросток, но уже работает. Он мастер на все руки. На кухне он устроил полати. Там на каком-то тряпье мы с ним спим. Женщины внизу. Бывало, когда стемнеет, мы с Юрой обшаривали соседние дворы в поисках топлива. Уголь воровали в кочегарке городка НКВД. Проблема уборной решалась с помощью консервных банок. Из-под американской тушенки были особенно удобны.

Воду носили в ведрах с улицы, от водоразборной колонки. С вечера мы с Юрой затапливали плиту. Когда работающие женщины возвращались домой, на кухне было уже тепло. Кипит громадный чайник. Еда у всех скудная. Иногда одалживались друг у друга. Но только хлебом и картошкой. Взял четверть буханки и пять картошек – легко вернуть столько же, не взвешивая. Картошку варили.

Из кожуры делали оладьи. Но не те пышные и румяные, как когда-то из теста, а бледные и плоские. В ту пору повсюду в ходу были рукописные тексты различных кулинарных рецептов. Фантазии, мечты, голодный психоз. У всех расшатаны нервы. Склоки и скандалы возникают из пустяков. Аня вдруг начинает орать, требует, чтобы заткнулись. Ей замечают, что ее сковородка чадит. А она кричит, что от Подчиненовых вши в квартире. А ей пеняют,

что ни она, ни ее старуха не выносят банки с дерьмом, в уборной ступить негде. А она заявляет, что отапливает всех своим углем, что Разливина уходит с сыном в комнаты, чтобы тайком жрать сахар и американские консервы. А мать объясняет, что уходит покурить и что консервы она не получает, потому что она высокооплачиваемая. А сын? Он тоже курит? Нет, он не курит. Вы заметили, что наших банок нет в уборной? Так вот мальчик делает это в комнате. И уголь не только ваш. И за водой вы никогда не ходите. Аня убегает в холодную комнату и ночует там. Остальные угрюмо укладываются на кухне. Тесно от кроватей, душно, угарно, чадит коптилка.

Наш дом стоит в центре города, на улице Спартака. Пять этажей. В каждой квартире три-четыре комнаты. В нашей квартире обитали три семьи, восемь человек. В других и больше. Население состояло из женщин и детей. Много старух. Не помню ни одного старика, который сидел бы на лавочке. Сколько же было мужчин? Трое. Это в доме из четырех подъездов. Кто же они были? Молодой представитель ЦК на крупном заводе Пелех. Полковник НКВД Козлов, высокий хмурый человек. И артист драмтеатра старик Горянов. Все они жили в отдельных квартирах. У них были телефоны. По тем временам роскошь, доступная только самым избранным. Дом внимательно следил за их благосостоянием. Детская разведка доносила: Козловым привезли грузовик угля, домработница Горянова отоварилась белым хлебом, у Пелехов день и ночь топится плита, двери нараспашку, в квартире жарко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.